

А. Г. Еманов (Тюмень)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ЭПИГРАФИКЕ

(на материале генуэзского лапидария Крыма)*

Латинские надписи, оставленные на крепостных стенах и башнях, на храмовых постройках и колодезных камнях генуэзских колоний Крыма XIV–XV вв., давно стали предметом изумления и пристального внимания.

Уже средневековые хронисты отмечали случаи установления памятных плит, связанных с возведением того или иного строения как неким неординарным событием, достаточно вспомнить Джорджо Стеллу (XIV в.)¹. Порой эти сведения обогащались уникальными данными социально-поведенческого характера: к примеру, после завершения строительства башни Константина в Кафе в 1467 г. была осуществлена церемония установления мемориальной плиты и освящения всей постройки. В торжестве приняли участие, помимо генуэзцев, греки, армяне и другие левантийцы во главе с предстоятелями различных конфессий². Однако сообщения хроник не содержали даже записи эпиграфической информации; самое большее, что они давали, это указание о связи лапидарной мемории с архитектурным объектом.

Самые ранние сведения о латинских надписях с попытками их фиксации и прочтения встречаются в записках дипломатов и путешественников более позднего времени, XVI–XVIII вв., когда, однако, уже произошла утрата смысла запечатленного в камне текста. Известно, что Мартин Бронеvский (XVI в.)³ отмечал наличие надписей над воротами генуэзских крепостей.

Первой публикацией эпиграфических памятников с воспроизведением рисунков и транскрипцией латинских надписей могут считаться «Lettere Liguristiche» («Лигурийские письма») аббата Гаспаро Луиджи Одерико⁴. Им были представлены шесть строительных плит XIV–XV вв. из Кафы и Солдайи, определены гербы некоторых генуэзских родов – Дориа, деи Франки. Однако надписи были ему непонятны, он отмечал лишь характерные особенности отдельных букв готического шрифта, а порой ограничивался просто зарисовкой гербов, впрочем не всегда корректной.

* Автор выражает признательность А. А. Евсееву, директору Феодосийского краеведческого музея, А. М. Фарбею, заведующему отделом «Судакская крепость» Национального музея-заповедника «София Киевская», Л. В. Марченко, генеральному директору Национального музея-заповедника «Херсонес Таврический», Н. А. Алексеенко, заведующему филиалом «Крепость Чембало» Национального музея-заповедника «Херсонес Таврический», за любезно предоставленную возможность работы в фондах этих музеев.

Исследование поддержано грантом РГНФ (03-01-18079е).

Л. Ваксель, Ф. Дюбуа де Монпере⁵ также публиковали рисунки эпиграфированных плит, обращая внимание на генуэзскую геральдику, изображение джучидской тамги и обнаруживая зависимость от Одерико.

Попытки прочтения и перевода отдельных латинских надписей содержатся в «Крымском сборнике» академика П. И. Кеппена⁶ и в ранней работе Н. М. Мурзакевича⁷. Однако этими авторами ошибочно расшифровывались сокращения, пропускались испорченные места, игнорировались инициалы, помещенные по обе стороны от гербов и характерные для надписей XV в.

Первый свод генуэзской эпиграфики Крыма был опубликован В. Н. Юргевичем⁸ в 1863 г. Общее число известных к тому времени надписей составило 37. Впоследствии этот корпус пополнялся как самим Юргевичем⁹, так и другими исследователями: О. Ф. Ретовским, Г. К. Шмидом, Ф. И. Шмитом, Э. Р. Штерном, Л. П. Колли¹⁰. Благодаря Юргевичу уточнился и пополнился список консулов, массариев и других официалов генуэзских колоний в Крыму, обозначились в первом приближении этапы городской застройки и возведения крепостных сооружений. Вместе с тем незнание формуляра конструирования лапидарного текста, свойственного Генуе и меняющегося в зависимости от времени и места генуэзского влияния, привело к произвольному гипотезированию и созданию ирреальных интерпретаций. В частности, В. Н. Юргевич связывал стихотворный эпиграф с кафской башни Климента 1348 г., прославляющий Христа и крест, с антитурецким крестовым походом, в котором Кафе должна была отводиться решающая роль; порой им приводились никогда не существовавшие имена (Sofia вместо Scaffa, Lasanis вместо Lavania и др.), в его прочтении родовые фамилии могли превратиться в названия должностей (Yudex – «судья» вместо Джудичи) и т. п.

Частные коррективы к дешифровке надписей вносились итальянскими историками М. да Канале, К. Десимони, М. Ремондини¹¹. К примеру, Ремондини было корректно прочитано неизвестное прежде имя консула Кафы 1348 г., при котором было завершено возведение Климентовой башни, – Эрмирий Мондини.

Через 65 лет после Юргевича новое, существенно уточненное и на 1/3 расширенное издание корпуса средневековой латинской эпиграфики Крыма было предпринято Е. Ч. Скржинской¹², тогда еще начинающей исследовательницей, но сразу же приобретшей европейскую известность. Ею изданы 55 надписей Кафы, Солдаи и Чембало XIV–XVI вв. Прочтение и интерпретация Скржинской эпиграфических памятников так или иначе оказали влияние почти на все последующие эскерсисы по истории итальянских колоний в Причерноморье, став бесспорно авторитетными в области крымской эпиграфики. Это ощущается по работам С. А. Секиринского, О. В. Волобуева, К. К. Когонашвили, Е. И. Лопушинской¹³, когда они касаются лапидарных надписей.

Несколько особняком стоит книга Н. Ф. Лапина о крепости Солдае¹⁴, вышедшая одновременно с работой Скржинской, и монография Л. А. Маджоротти¹⁵, содержащая оригинальный фотографический материал по генуэзским крепостям, снятый в период Первой мировой войны.

В дальнейшем ставший классическим корпус средневековой латинской эпиграфики Крыма в презентации Е. Ч. Скржинской постоянно пополнялся новыми находками, открытием неизвестных прежде лапидарных памятников, изредка целых, чаще фрагментированных, но от этого не утративших научной ценности.

Благодаря работам медиевистов современной генерации – И. А. Баранова, Э. В. Даниловой, Е. А. Айбабиной, Л. Г. Климанова, М. Г. Крамаровского¹⁶ стали известны латинские эпиграфические памятники и более раннего времени, и более разнообразных стилей шрифта, и смешанного латинско-греческого, латинско-армянского и латинско-ориентального характера. За 75 лет, прошедших со времени выхода в свет монографии Е. Ч. Скржинской, объем знаний по латинской эпиграфике Крыма значительно увеличился. Стали вноситься коррективы в предложенные Скржинской транскрипции и интерпретации. Появились статьи, изучающие формуляр лапидарного памятника¹⁷, на этой основе становится возможной реконструкция утраченного текста. Выходят специальные публикации по лапидарной геральдике¹⁸.

Серьезным стимулом к реализации предпринятого нами проекта по своду латинской эпиграфики Крыма послужили аналогичные обобщающие эпиграфические исследования других регионов Черноморья и Средиземноморья, дающие материал для компаративных наблюдений. Здесь следует выделить монографию немецкой медиевистики З. Дюль по средневековой геноузской эпиграфике Перы¹⁹, монументальное издание румынского эпиграфиста К. Балана по средневековым надписям Северо-Западного Причерноморья²⁰ и, конечно же, трехтомный корпус средневековых лигурийских надписей А. Сильвы²¹.

Несмотря на несомненные достижения, лучшие работы историков-эпиграфистов, как отечественных, так и зарубежных, остаются в пределах традиционных методов исследования эпиграфических памятников, когда главными инструментами выступают глаз и рука ученого, когда при помощи рулетки осуществляются измерения, затем изготавливается эстампаж, делается прорисовка, потом транскрипция и т. д. Подобные методы и приемы оправдывают себя, когда памятник находится в лапидарии, в музейных фондах и возможно его непосредственное обследование. Однако эти методы обнаруживают свою ограниченность, когда памятник находится *in situ*, например на башне, на высоте более 10 метров, в труднодоступных или плохо освещенных местах, где невозможно ни сделать измерений, ни изготовить эстампаж, накладывая бумагу на лапидарный шрифт, здесь не помогут ни способности альпиниста, ни лестница пожарной машины. Судя по некоторым сохранившимся в архивах записям, исследователям приходилось пользоваться либо биноклями, либо стереотрубами, при этом в считывании и прорисовывании надписи участвовали целые группы специалистов, в которые входили эпиграфист, архитектор, художник или чертежник.

В предпринятом нами исследовании использованы методы современных информационных технологий. Сначала производилась всесторонняя цифровая съемка эпиграфического объекта, изготавливался электронный имидж каждого памятника, его цифровая копия высокой степени аутентичности, затем в лабораторных условиях осуществлялась мультимедийная обработка носителя эпиграфической и иконографической информации, позволяющая построчно и побуквенно считывать и идентифицировать текст.

Кроме того, в отличие от предшественников, предпочитавших отдельно осваивать эпиграфическую, геральдическую и иную изобразительную информацию одного лапидарного источника²², мы склонны воспринимать лапидарный феномен целостно, во всем единстве его информационной значимости.

Следуя давней, некогда вербализованной Р. Нотари формуле понимания эпиграфа как «мысли, выраженной на твердом материале с помощью фонетических, символи-

ческих или фигуративных средств»²³, мы расширяем круг эпиграфических источников, включая в него и камни с надписями (от распространенного текста до фрагмента, монограммы и даже инициала), и камни без надписей, но с гербами и другими символическими изображениями, которые могут быть определены как латинские (Агнец, Дева Мария, св. Георгий, хризматические знаки). Поэтому мы предлагаем несколько иную типологию эпиграфического материала:

- лапидарные надписи (строительные, эпитафии);
- граффити;
- геральдические плиты;
- иконографические камни.

Граффити, процарапанные на мягком известняковом камне или на штукатурке, ко сожалению еще не привлекавшие внимания исследователей, являются неотъемлемой составной частью средневекового латинского лапидария. Целая группа смешанных латинско-греческих граффити сохраняется на стенах, оконных и дверных обрамлениях «храма с аркадой» (или т. н. «мечети») в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость». Здесь встречаются изображения герба с монограммой (ил. 1), кресты различной формы (ил. 2), в том числе русской, знаки хризмы, общие и для латинской и для греческой палеографии (ил. 3), там обнаруживаются латинские инициалы *O* и *M*, вписанные в круг и разделенные крестом (ил. 4), которые можно расшифровать как молитвенное обращение к Деве Марии – *O[ro] M[iserere]* (молю сжалиться); там есть надписи *Deo* (Боже!), *Gerardi* (Джерарди) (ил. 5), герб с восьмилучевой Вифлеемской звездой (ил. 6) и др.

Геральдические плиты также имеют все основания для включения в средневековый латинский лапидарий. Все они относятся ко времени латинского (точнее, генуэзского) доминирования в северопричерноморском регионе, нередко называвшемся

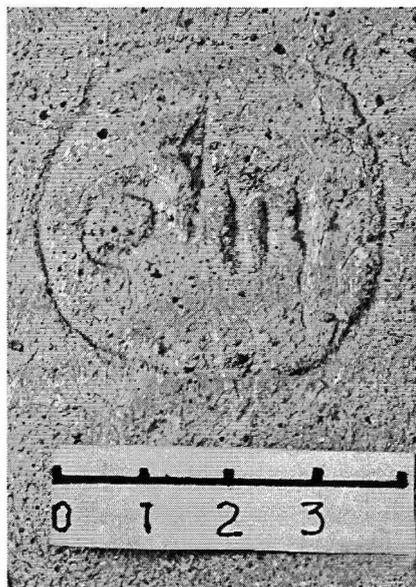
Ил. 1

Ил. 2

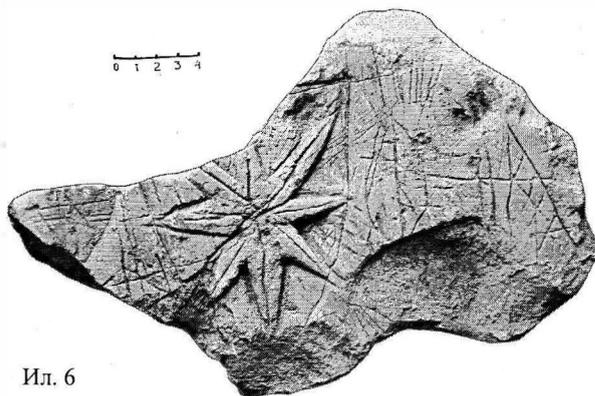
Ил. 3

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

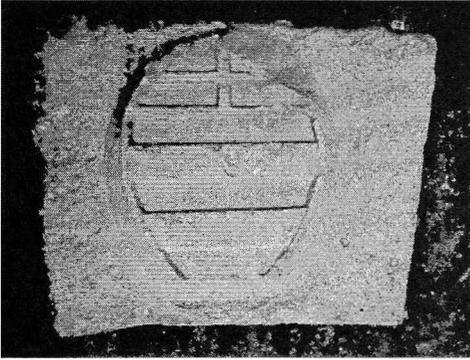
в латинских источниках «Газарией» и включавшем, помимо Крыма, Приазовье. Известно, что родовые и фамильные гербы порой сопровождались инициалами, их наличие позволяет относить подобный памятник к «надписям», а их стертость или отсутствие заставляет причислять такой лапидарный источник к другому типу – «геральдическим плитам». Сюда же включены плиты с гербами и рамами для текста, либо не высеченного, либо полностью стертого. Наконец, к этому же типу отнесены и смешанные памятники с латинскими (генуэзскими) гербами и надписями на армянском языке, порой имитирующими готический шрифт, здесь определяющим для задач исследования латинского лапидария выступал латинский герб.

Целый ряд памятников данного типа представляется впервые. Такова, к примеру, геральдическая плита XV в. из Национального заповедника «Херсонес Таврический» (ил. 7)²⁴. На ней высечен герб на щите каплевидной формы генуэзского рода д'Олива, своеобразным геральдическим элементом является крест в верхней части щита, указывающий на церковный статус обладателя герба.

Иконографические камни также могут быть включены в разрабатываемый нами свод латинской эпиграфики Крыма. К этому типу относятся изображения Агнца Божьего, несущего лабарум с древком в форме латинского креста. Агнец являлся визуализацией латинской молитвы «Agnus Dei», перестававшей нуждаться в текстовой записи. В том же ряду находятся и встречающиеся рельефные изображения в камне Девы Марии, особо почитавшейся в латинском христианстве, и рельефы св. Георгия, являвшегося святым патроном Генуи, генуэзской Кафы и крепости Чембало. Порой св. Георгий изображался увенчанным короной (ил. 8), вызывающей аналогию с геральдической короной генуэзского альберго деи Франки, причем рядом со святым могли помещаться греческие граффити. Наконец, к тому же типу надлежит отнести плиты и камни со знаками креста. Последний представлял собой *Invocatio signum Crucis*, с него начиналась всякая надпись, но и самостоятельно помещенный, без текста, крест приобретал значение молитвенного обращения к Богу, просьбы о высшем заступничестве. Камни с крестом устанавливались над крепостными воротами, калитками и бойницами, становясь сакральными оберегами. Их можно встретить на башнях генуэзских крепостей, на консульских замках, эти кресты были не только латинской формы, но и греческой, и армянской. Основанием для включения подобных памятников в латинский лапидарий является их принадлежность к генуэзской фортификации.

Наиболее примечательна среди иконографических камней группа из более чем двадцати хризматических плиток на башне Федерико Астагуэрра 1386 г. в Судакской крепости, находящихся на высоте более 10 м. Здесь есть кресты латинской, греческой и армянской формы, что отражает участие в строительстве крепости представителей различных конфессий. Эта фортификационная доминанта выступала своеобразной оппозицией Вавилонской башне: в отличие от библейского символа разобщенности и наказания за гордыню, она стала знаком единения и нерушимой твердости, выдержав осады татар, турок и бедствия многих последующих войн.

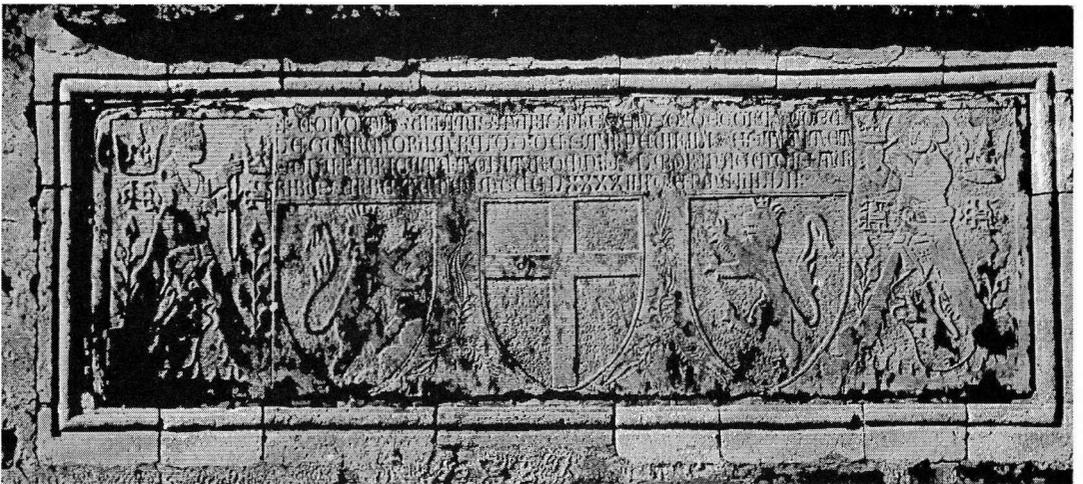
Использование методов современных информационных технологий позволило совершенно иначе осмыслить ряд эпиграфических памятников. Стоит обратиться, например, к строительной плите Румбальдо Гуарки 1394 г. (ил. 9), находящейся *in situ* в Архитектурно-историческом заповеднике «Судакская крепость». Н. Ф. Лапин, один из наиболее усердных исследователей крепости, склонен был видеть в двух фигурах по

Ил. 7

Ил. 8

Ил. 9

краям плиты камнерезов в фартуках ремесленников, с резцами и молотами в руках²⁵. В действительности же это были изображения женщин в длинных одеждах, представляющих собой аллегии Славы. В руках они держали венцы и ожерелья для триумфального венчания консула, у ног женщин стояли изящные щиты с изображением поднявшегося на задние лапы льва – геральдического символа генуэзского рода Гуарки, за их спинами помещались монограммы, опять же указывающие на Румбальдо Гуарки, консула и кастеллана Солдайи. Сама традиция установления памятных плит, явно не предназначенных для чтения современниками, но обращенных к будущим поколениям, здесь приобретает прозрачность как антикизирующая традиция, призванная увековечить славные деяния выдающегося политика, упрочившего мощь городской общины.

Пафос прославления личных заслуг, а не только Бога и всей цивитас, ощущается и по многим другим строительным надписям: один из консулов Кафы велел «опоясать город стенами, память о чем останется в вечности» («*memoriam duret in eternum*»), другой украсил город «неустанными трудами», о чем «вечной славой...» («*eternis laudibus*») «...подтвердят нашим потомкам украшение ближайшего фонтана, сооружение сей стены и другие его достойные и великие деяния». Здесь исследователь соприкасается с определенно ренессансной тенденцией, затронувшей и самую северную периферию итальянского влияния.

Наиболее ранним памятником средневековой латинской эпиграфики в Крыму на данное время является надпись «1331 г.» на восьмигранном колодезном камне: *MCCCXXX[I] die V agost[o] Michal de Padua me feci[t]* (в 1331 г., в 5-й день августа, Михаил из Падуи меня сделал). Это первое свидетельство несомненно ренессансного духовного движения в Крыму: мастер осознанно фиксирует свое авторство, что не было свойственно средневековому менталитету, когда господствовало анонимное творчество, текст исходит от «лица» самого вазона, в традициях эпохи Античности. Мастер – выходец из Падуи, признанного центра итальянского Возрождения, возможно из греческой среды, на что указывает его грецизированное личное имя, он был современником Данте и Джотто, вполне вероятно, был свидетелем первых открытий античных монументальных памятников с надписями в падуанской округе, когда их торжественно в сопровождении всех горожан транспортировали в главный храм города. Именно там он созерцал образцы надписей, а затем воплотил их подражания в далеком Крыму.

Благодаря цифровым методам стало возможным внести коррективы в дешифровку трудных мест ряда эпиграфических памятников. В частности, удалось полностью прочесть надпись 1423 г. над алтарем в «храме с аркадой», или «мечети», Судакской крепости: †*In X[r]i{p}{st}i nomine amen. MCCCXXXIII die III ianua[rii] hoc] opus fecit fieri Domine G[irolamus] Catalan[us] X[r]ist[i] n[omen] custodiat[ur]* (†Во имя Христа, аминь! В 1423 г., в 4-й день января, это строение велел возвести Господу Д(жироламо) Каталано. Да хранит (его) имя Христа!). Возможной оказалась идентификация герба, помещенного ниже надписи: на нем изображена крепостная стена, характерная геральдическая эмблема генуэзского рода Джустиниани.

Еще одним открытием применения методов информационных технологий стала обнаруженная группа «эпиграфических палимпсестов», т. е. плит и камней, на которых стиралась утратившая актуальность старая надпись и наносилась новая.

Говоря об особенностях изучаемого лапидарного собрания, нужно отметить редкость целых эпитафированных плит – абсолютное их большинство расколото на две и более частей, что было связано с символизацией сокрушения генуэзского господства после турецкого завоевания Крыма, 17 % памятников сохранилось во фрагментах, иногда крупных, содержащих до половины текста в несколько строк, а иногда совсем небольших, имеющих лишь две-три буквы. Для надписей редко применялся привозной мрамор, обладающий более высокой прочностью и хорошо сохраняющий шрифт, гораздо чаще использовались местные породы камня – известняк, песчаник, сланец. Известняк за 600–700 лет подвергался сильной дождевой и ветровой эрозии, что приводило к выглаживанию надписей и изображений, которые становились трудно читаемыми или почти нечитаемыми. Песчаник и сланец за столетия претерпевали отслаивания, что вело к невозможной утрате графической и символической информации.

Если фрагментарные и полустертые надписи еще могут исследоваться и до известной степени реконструироваться с помощью методов компьютерного анализа, то полностью стертые и с отслоившимся визуализированным слоем лапидарные памятники подобному исследованию не подлежат, в этом случае остается доверяться последним фиксациям памятника в виде прорисовки или эстампажа, когда на нем еще были видны буквы и изображения.

Однако значительные трудности в изучении лапидарных памятников оправдываются теми уникальными результатами, которые способен дать этот тип исторических источников. Данные эпиграфики позволяют расширять список высших официалов Кафы, Солдайи, Чембало и других генуэзских поселений в Причерноморье, только с помощью эпиграфики становятся известными имена консулов Кафы Джованни ди Скаффа 1342 г., Эрмирия Мондини 1348 г., Готифредо ди Цоальо 1352 г., Франческо Сальво 1363 г., Джованни Марини 1406 г., Калоччо Гизольфи 1467 г. (имя последнего несет печать невольной грецизации – «Kalocius» вместо итальянского «Calocius») и др. Благодаря новым открытиям в эпиграфике появились прежде неизвестные имена консулов Солдайи, например Франческо ди Камилла 1426 г. (?). Данные лапидария позволяют отслеживать изменения в титулатуре генуэзских консулов, соответствующие изменениям их полномочий: в 40–50-е гг. XIV в. глава Кафы титуловался «*consul januensium in Caffa*», в 80-е гг. того же века, когда консульская юрисдикция распространилась на всех генуэзцев и пользующихся правами генуэзцев в пределах татарских владений Крыма и Приазовья, титул стал звучать как «*consul Caffa et januensium in imperio Gazarie*». Титулатура главы Солдайи свидетельствует о тенденции соединения в одних руках полномочий нескольких магистратур: вначале, во второй половине XIV в., его должность обозначалась «*consul et castellanus Soldaie*», в XV в. – «*consul, massarius, castellanus et capitaneus Soldaie*», когда консул в силу бюджетной экономии исполнял одновременно обязанности и массария, и кастеллана, и капитана крепости. Данные эпиграфики позволяют пополнять региональный ономастикон, только благодаря лапидарным памятникам возможно составить геральдический тезаурус изучаемого региона, именно лапидарий позволяет осветить топографию и хронологию городской фортификационной и культовой застройки, наконец, лапидарные памятники способны дать ценную, ничем не заменимую информацию по истории городской цивилизации и культуры.

- ¹ Stella G. *Annales Genuenses / A cura di L. A. Muratori // Rerum Italicarum Scriptores. Mediolani, 1730. Vol. XVII. P. 1095, etc.*
- ² Cazacu M., Kevonian K. *La chute de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents // Cahiers du monde russe et sovietique. Paris, 1976. An. XVII. N 4. P. 495–538.*
- ³ Бронеvский М. Описание Крыма // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. VI. С. 332–350.
- ⁴ Oderico G. L. *Lettere Liguristiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa. Bassano, 1792.*
- ⁵ Waxel L. *Recueil de quelques antiquites trouvees sur les bords de la Mer Noire... desinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin, 1803; Dubois de Montpreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhazes, en Colchide, en Georgie, en Armenie, et en Crimée. Paris, 1843. Vol. V; Ваксель Л. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 гг. СПб., 1801.*
- ⁶ Кеппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. Им описаны без прорисовки пять плит, находящихся в Павловске, прочитаны даты, отдельные имена, топонимы и названия должностей, хотя общий смысл текста не был понят.
- ⁷ Мурзакевич Н. М. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.
- ⁸ Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V. С. 157–177.
- ⁹ Он же. Новые надписи генуэзские // Там же. 1968. Т. VII. С. 274–282; Он же. Донесение о поездке в Крым // Там же. 1875. Т. IX. С. 398–399; Он же. Две генуэзские надписи из Балаклавы // Там же. 1879. Т. XI. С. 319–320; Он же. Генуэзская надпись, найденная в Феодосии в 1883 г. // Там же. 1886. Т. XIV. С. 24–26.
- ¹⁰ Ретовский О. Ф. Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г. // Там же. 1896. Т. XIX. С. 14–26; Он же. Генуэзская плита, найденная в Феодосии в 1890 г. // ИТУАК. Симферополь, 1891. Вып. 13. С. 75–77; Шмид Г. К. К объяснению губайловских барельефов // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 33. С. 146–148; Шмит Ф. И. Три генуэзских рельефа, происходящих из Каффы // Там же. 1917. Вып. 63; Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на Юге России. Одесса, 1900; Колли Л. П. Об одном генуэзском барельефе Феодосийского музея // ИТУАК. Симферополь, 1903. Вып. 35. С. 1–9; Он же. Об одном барельефе Феодосийского музея // ЗООИД. Одесса, 1906. Т. XXVI. С. 1–8.
- ¹¹ Canale M., da Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai nostri. Genova, 1855–1856. Vol. I–III; Desimoni C. *Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano. Firenze, 1887. Vol. XX. P. 161–165; Remondini M. Epigrafe della torre di papa Clemente VI a Caffa // Giornale liguristico di archeologia, storia e belle arti. Genova, 1875. Vol. II. P. 39–40; Idem. Iscrizioni medioevali della Liguria // Atti della societa Ligure di storia patria. Genova, 1874–1887. Vol. XII.*
- ¹² Skrzinska E. *Inscriptions latines des colonies genevoises en Crimée // Ibid. Genova, 1928. Vol. LVI. P. 1–141.*
- ¹³ Секиринский С. А. Очерки истории Сурож. Симферополь, 1955; Он же. Судакская крепость. Симферополь, 1971; Секиринский С. А., Волобуев О. В., Когонашвили К. К. Крепость в Судак. Симферополь, 1980; Лопушинская Е. И. Крепость в Судак. Киев, 1991.
- ¹⁴ Лапин Н. Ф. Сугдея-Солдайя-Судак. М., 1928.
- ¹⁵ Maggiorotti L. A. *Architetti e architetture militari. Medio evo. Roma, [1933]. Vol. I.*
- ¹⁶ Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988; Он же. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989; Баранов И. А., Данилова Е. В. Генуэзский надгробок 1384 р. з Судака // Археология. Киев, 1991. № 3. С. 145–148; Айбабина Е. А. Оборонительные сооружения Каффы (по материалам археологических раскопок) // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 76–78; Она же. Некоторые заметки о каменной резьбе Каффы // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 281; Она же. Декоративная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001; Баранов И. А., Климанов Л. Г. Новые лагинские надписи генуэзской Солдайи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I. № 1. С. 99–108; Климанов Л. Г. Казус Франческо де Камилла: Новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи первой трети XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Вып. 27. С. 303–331; Он же. Эпиграфика «эпохи торговых итальянских колоний на Крымском полуострове» в научном наследии Е. Ч. Скржинской (1897–1981) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины: Материалы научной

- конференции. Судак, 2002. С. 123–126; Крамаровский М. Г. Обрамление Кафинского колодца 1331 г. мастера Михаила из Падуи // *Античная древность и средние века. Византия и средневековый Крым.* Барнаул, 1992. С. 214–219; перевод латинской надписи сделан Л. Г. Климановым.
- ¹⁷ Вальков Д. В. Эволюция формуляра эпиграфических памятников Генуи (IX–XIV вв.) // *Средние века.* М., 2003. Вып. 63. С. 127–164.
- ¹⁸ Яровая Е. А. Генеалогия и геральдика лигурийского нобилитета: К истории изучения // *Шестая Всероссийская нумизматическая конференция.* Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1998. С. 117–118; Она же. О геральдике генуэзских ремесленников // *Signum.* М., 2001. № 5; Она же. Отражение периодов зависимости в оформлении монет Генуи изкладных плит генуэзских колоний в конце XIV – первой трети XV в. // *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция.* Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2001. С. 190–191; Она же. Строительная плита 1407 г. из Самастро: К вопросу о геральдике // *Нумизматический сборник 2003 памяти А. А. Быкова / Гос. Эрмитаж.* СПб., 2003. С. 123–131.
- ¹⁹ Düll S. *Unbekannte Denkmäler der Genuensen aus Galata.* Wien, 1996.
- ²⁰ Balan C. *Inscripții medievale și din epoca modernă a româniei.* București, 1994.
- ²¹ Silva A. *Corpus inscriptionum medii aevi Ligure.* Genova, 1987. Vol. III.
- ²² Ср. вышеупомянутые работы В. Н. Юргевича, воспроизводившего гербы, но игнорировавшего «темные» надписи, работы Е. Ч. Скржинской, наоборот, концентрировавшиеся на надписях и порой «забывавшие» гербы и иные изображения, последнюю книгу Е. А. Айбабиной, ориентированную исключительно на осмысление орнамента, или кандидатскую диссертацию Е. А. Яровой, обращенную только к геральдике.
- ²³ Notari R. *Trattato dell'epigrafià latina ed italiana.* Torino, 1856.
- ²⁴ Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Лапидарий. Инв. № 35411.
- ²⁵ Архив Архитектурно-исторического заповедника «Судакская крепость». Фонд Н. Ф. Лапина.